

RU

Фольклоризм чувашской прозы: его идейно-тематическое и сюжетообразующее значение

Никифорова В. В., Мышкина А. Ф.

Аннотация. Цель исследования – раскрытие осознанных и неосознанно-скрытых форм интерпретации образов фольклора на лексическом, образном, композиционном уровнях, выявление связи между народной культурой и мировоззрением писателя (фольклоризм). В статье анализируются малые и средние жанры чувашской повествовательной литературы конца XIX – начала XXI в. Определен круг произведений, идейно-тематический анализ которых наглядно демонстрирует разные цели обращения писателей к фольклору: усиление поучения, раскрытие героизма, духовной красоты и силы, создание чувашского мира. Научная новизна исследования заключается в определении отличительных особенностей хронологических периодов в истории литературы, по-разному актуализирующих использование образов народной словесности в произведении. В результате исследования выявлены типичные черты проявления фольклоризма в чувашской прозе: как бы «на поверхности» – прямое применение пословиц и поговорок; как органическая часть литературных произведений; как одна из жанрово-стилевых разновидностей; как новая форма выражения мировоззрения автора в рамках постмодернизма.

EN

Folklorism in Chuvash prose: its ideological-thematic and plot-forming significance

V. V. Nikiforova, A. F. Myshkina

Abstract. The study aims to reveal the conscious and unconsciously hidden forms of interpretation of folklore examples at the lexical, figurative, and compositional levels and to identify the connection between folk culture and the writer's worldview (folklorism). The article analyzes small and medium genres of Chuvash narrative literature from the late 19th to the early 21st century. A range of works is identified, the ideological and thematic analysis of which clearly demonstrates different goals of writers' appeal to folklore: strengthening instruction, revealing heroism, spiritual beauty and strength, and creating the Chuvash world. The scientific novelty of the research lies in determining the distinctive features of chronological periods in the history of literature, which differently actualize the use of examples of folk literature in a work. The study revealed typical features of the manifestation of folklorism in Chuvash prose: as if “on the surface”, which involves direct application of proverbs and sayings; as an organic part of literary works; as one of the genre-stylistic varieties; as a new form of expressing the author's worldview within the framework of postmodernism.

Введение

В устном народном творчестве сконцентрированы и зафиксированы вековые ценности, общие для всех представителей народа, поэтому писатели очень часто обращаются к данному источнику. Чувашская проза, особенно на начальном своем этапе, весьма интенсивно использовала образцы устного поэтического творчества. Чувашские пословицы и поговорки в рассказах конца XIX в. играли роль обобщения главной идеи и являлись неоспоримым авторитетом как образцы народной мудрости. В последующие десятилетия роль фольклоризма в чувашской литературе усложняется, становясь органической частью ее поэтики. В целом фольклорные сюжеты, образы, символы и т. д., трансформируясь в литературе, передают уникальные черты национального характера и менталитета. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью поиска проявления различных форм фольклоризма, воспринимаемых как способ выражения национально-эстетической идентичности в художественном творчестве в целом и в чувашской литературе в частности.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

– изучение развития чувашской прозы в хронологической последовательности с учетом проявления в ней фольклоризма;

- выявление форм и способов использования писателем образцов фольклора (пословиц, поговорок, народных песен, шуток, бывальщин, мифов, сказок и т. д.);
- обнаружение идейно-тематических и образных параллелей между чувашским фольклором и прозаическими текстами чувашских писателей.

Для выявления прямой или косвенной связи между чувашским фольклором и художественными произведениями в данной статье применяются следующие методы: формальный и структурный, позволяющие отображать эстетические особенности анализируемых произведений; сопоставительный, способствующий выявлению специфики вторичных текстов; культурно-исторический, определяющий место фольклора в истории чувашской литературы; герменевтический, выявляющий смыслы и особенности выбранных художественных текстов.

Материалом для исследования послужили основные жанры чувашской повествовательной литературы – рассказ, повесть. К исследованию привлечены произведения Игн. Иванова, И. Юркина (конец XIX в.), О. Романова, Н. Кедрова (начало XX в.), М. Сеспеля, И. Тхти (первая треть XX в.), С. Аслана, Л. Агакова (1941-1945 гг.), Ю. Скворцова, А. Артемьева, Н. Ильбека, М. Трубиной (вторая половина XX в.), А. Ыхры, В. Степанова, И. Шашкиной, О. Австрийской (первая четверть XXI в.).

Теоретическую базу исследования составляют работы А. Х. Гольденберга (2023), С. А. Джанумова (2024), У. Б. Долгата (1981), Д. Н. Медриша (1980), в которых определены типы фольклоризма, изучены характер связей и логика отношений между литературой и фольклором в разные общественно-исторические эпохи. Особую значимость в понимании национальной специфики фольклора и литературы имеют работы В. Я. Канюкова (1971), А. Л. Налепина (2009), В. Г. Родионова (2015а; 2015b), Г. И. Федорова (1996а; 1996b; 2015).

Практическая значимость исследования связана с использованием его результатов о значимости фольклорного мышления при становлении индивидуально-эстетического мировоззрения чувашских прозаиков и о формах их обращения к мотивам и образам фольклора при разработке лекционного и практического материалов в курсах по истории чувашской литературы, чувашскому фольклору в учреждениях образования. Кроме того, данный материал может быть полезен при дальнейшем изучении поэтики современной чувашской прозы.

Обсуждение и результаты

Исследователи справедливо подчеркивают огромную значимость фольклора для литературы: «Оппозиция фольклор – литература асимметрична: фольклор возник до литературы и первоначально никак не был соотнесен с ней, между тем литература с самого своего возникновения так или иначе соотнесена с фольклором; она либо ориентируется на фольклор, либо, наоборот, отталкивается от него, но во всяком случае сохраняет свое родство с ним. Фольклор и порождает литературу, и сосуществует с ней, и противостоит ей, и продолжает с ней взаимодействовать» (Топорков, 2003, с. 155).

В советском литературоведении проблема взаимодействия литературы и фольклора сводилась в основном к выявлению в произведениях элементов устной народной поэзии. Однако существовали и работы, в которых содержалось более глубокое понимание фольклоризма. К примеру, чувашский фольклорист В. Я. Канюков придерживался точки зрения, что «обращение писателя к народной поэзии, использование фольклора (фольклоризм) есть прежде всего – явление из ряда внутреннего литературного процесса, категория идейно-эстетическая» (1971, с. 7). Иными словами, формы и способы использования писателем фольклора могут быть различными, а простого учета фигурирующих в тексте фольклорных элементов (пословиц, поговорок и т. д.) недостаточно.

Фольклоризм литературы на современном этапе понимается как осознанный процесс разработки, преобразования и интерпретации фольклора писателем на лексическом, категориально-образном, структурно-композиционном и идеологическом уровнях и как неосознанная связь между народной культурой и особенностями картины мира писателя, его мировоззрением, этнографической деятельностью, гражданской позицией (Песелис, 2020, с. 4, 5). Таким образом, сегодня при анализе художественного наследия любого писателя необходимо учитывать его латентный (скрытый) фольклоризм, зависимый не только от фольклорных реалий, сюжетов или образов (у писателей фольклорной ориентации), но и от фольклора, который проявляется на уровне мировоззрения и мироощущения в единой целостной художественной системе (Налепин, 2009, с. 9). О «скрытом» фольклоре и о его «следах» в творчестве художника в чувашском литературоведении в свое время задумывался В. Я. Канюков (1971, с. 11), отмечая, что чем талантливее писатель, тем больше в его творчестве таких «следов».

Так, в прозе конца XIX – первой половины XX в. фольклоризм обнаруживается легко, так как он как бы лежит «на поверхности». В повестях рубежа XIX-XX вв. прослеживаются, с одной стороны, просветительские идеи, с другой – традиционные национальные представления о семейном укладе, взаимоотношениях в обществе. Здесь еще доминирует фольклорное мышление. Рассказы Игн. Иванова, первые литературные опыты И. Юркина, букварные рассказы зачастую представляют собой литературную обработку распространенных в народе сюжетов (бывальщин, бытовых сказок, шуток) или же народной прозы. Прозаики нередко и открыто заимствуют из фольклора темы, мотивы, композиционно-стилевые приемы; включают в свои произведения тексты народных песен, малых жанров. Следует также добавить, что многие чувашские писатели, начиная с конца XIX в., являлись собирателями, некоторые – издателями текстов устного народного творчества (И. Юркин, М. Трубина, Г. Юмарт и др.), что, естественно, оказало определенное влияние на поэтику их произведений. К примеру, в повести М. Трубиной (1981) «Ача чухнехи» («Детство», 1953-1956) фольклор выполняет педагогическую функцию. Прозаик убедительно показывает, что сказки, песни и др. жанры народного творчества способствуют формированию личности ребенка.

Ярким примером продолжения традиций малых жанров фольклора – пословиц и поговорок, загадок и др. – стали букварные рассказы (Федоров, 1996а, с. 58). Во многих случаях они заканчиваются пословицей, как бы подводящей итоги описываемых событий и раскрывающей их основной смысл. Им присущ нравоучительно-дидактический характер. Таковы и тексты в цикле рассказов «*Чăвашем епле пурăнни*» («Как жили чувашаи», 1876) Игн. Иванова (Родионов, 2001), которые строятся по логике народной пословицы, поверья; иллюстрируют важнейшие национальные постулаты. Иными словами, малый жанр фольклора в данном случае во многом определяет структуру, форму литературного текста. Цикл состоит из 15 произведений. Первое сочинение [первоначально, по Г. Комиссарову: «*Авал чăвашем епле пурăнни*» («Как жили чувашаи в старину») (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – В. Н., А. М.)] является вводным, дает общую характеристику чувашей деревни Кошки и оценивается всеми исследователями как очерк. Остальные 14 текстов представляют рассказы о конкретных людях. Но эти образы и сюжеты одновременно были весьма типичными для сельской общины конца XIX в. Названия произведений – «*Сынна усал тăвакан хай те усал курать*» («Кто причиняет зло людям, сам столкнется со злом»), «*Сынна мулшăн туман, мула сыншăн тунă*» («Человек создан не для богатства, а богатство создано для человека»), «*Янтă мула ан хĕрĕн, ху хатĕрле*» («Не зарься на чужое богатство, сам копи») и др. являют собой народную мудрость в сконцентрированном виде. В композиции рассказов ощутимо влияние таких жанров чувашского фольклора, как *пил*, *ўкĕт сăмахĕ* (благословления, слова-просьбы). На примерах из реальной жизни Игн. Иванов наставляет, поучает своих читателей.

Автором первых повестей в чувашской прозе является И. Юркин (2010). В повести «*Йĕлтăртатакан япаласем пурте ылтăн мар*» («Не все то золото, что блестит», 1888), в частности, им использованы сказочные фабулы «Оживление жены-обманщицы» и «Жена-обманщица и генерал», синтезированы стили волшебных и бытовых сказок (Родионов, 2015а, с. 114).

В 1900 г. были опубликованы повести О. Романова (1984) «*Хĕн-хур куракан сынна Турă пăрахмасть*» («Страждущего человека Бог не оставляет») и Н. Кедрова (1984) «*Аçăна-аннĕне хисепле, хăвнах аван пулĕ*» («Чти своих родителей, самому же будет хорошо»). Сюжеты данных произведений являются наглядной иллюстрацией народных христианских изречений, вынесенных в заголовок. Структурно повесть О. Романова напоминает чувашские сказки о злой мачехе. Преодолев множество испытаний, героиня Ануш находит свое счастье, выходит замуж за хорошего человека. В повести Н. Кедрова, несмотря на фабульное сходство с трагедией У. Шекспира «Король Лир», прослеживается национальное восприятие мира. В нем важным моментом является соблюдение традиций, почтительное отношение к старшим и к родителям: старшие дочери раскаялись, народ их осуждает; из героев умирает один отец. Финал также выстроен по типу сказочного – Лисахви заслужила счастье, уважение сельчан.

При первоначальном чтении рассказа М. Сеспеля (Çеçпĕл, 1989) «*Вăрман ачисем*» («Дети леса», 1918) возникает параллель с чувашской пословицей «*Пуйма кайнă – вилсе килнĕ*» («Поехал за богатством – вернулся мертвым»). Жизнь семерых мужчин, отправившихся на заработки, трагически обрывается. Но произведение имеет более глубокое содержание: в нем автор размышляет о тяжелой судьбе всего народа.

Сюжетная канва в рассказе «Шерхулла» (1925) И. Тăхти (2009) выстраивается на основе свадебного обряда. Краткое описание обряда, примеры свадебных песен здесь представляют ценность не как примеры устного народного творчества, они нужны для раскрытия характера героя. Одно из лучших произведений писателя – рассказ «Помидор» (1934-1936). Произведения такого типа, вмещающие в себя несколько оценивающих взглядов, литературоведы сравнивают с анекдотами (Родионов, 2015b, с. 268). Литературовед И. Ю. Кириллова (2009), анализируя художественные особенности комического в произведениях И. Тăхти, отмечает, что оно своими корнями уходит далеко в фольклор. А формы чувашской смеховой культуры, выраженные в жанрах устно-поэтического творчества, весьма разнообразны. «Искрящееся остроумие и суровый сарказм, озорная шутка, язвительная насмешка, почти фотографичность в передаче деталей и явная гиперболизация, переход от одной интонации к другой, прямо противоположной, противоречие между основным текстом и подтекстом, между содержанием и манерой исполнения и т. д. – все это приемы народной сатиры и юмора. В песне, частушке, сказке, паремическом творчестве мы находим всеобъемлющий народный смех – смех возвышающий и убивающий, легкий и суровый, светлый и беспощадный, окрашенный оттенками иронии и сарказма. Этот смех глубоко морален и педагогичен» (Кириллова, 2009, с. 123). Герою-рассказчику И. Тăхти присущи черты героя чувашских сказок *Кукиша Иванĕ* (Ивана Плешивого): игра под простачка, принижение своих достоинств, ловкость, хитрость и т. д.

Проза периода Великой Отечественной войны, впоследствии – и послевоенная проза, сильно отличаются от всей прозы XX в. Как отмечает Г. И. Федоров, некоторые писатели этих лет «пришли в литературу напрямую из журналистики, это определило суть их обращения к поэтике народного словесного творчества, в их произведениях фольклорные поэтизмы служат весомым средством аналитико-метафорического развертывания мысли. Среди таких писателей и поэтов можно назвать имена Л. Агакова, М. Данилова-Чалдуна, Хв. Ситты и т. д.» (2015, с. 346).

Для Л. Агакова (1975) и А. Артемьева (1960; 2008) характерно обращение в своих произведениях к образам чувашской народной песни. В рассказе «*Юрă пурлĕр янăранă*» («А песня все звучала», вар. «*Хĕр юрри*» («Песня девушки», 1943)) Л. Агаков (1975), к примеру, раскрывает значимость народной песни и частушек в борьбе с врагом, а в рассказе «*Кукук*» («Кукушка», 1948) песня воспринимается героиней Настей как символ самой жизни. Ради нее, чтобы она звучала вечно на родной земле, студентка музыкального училища отправляется на фронт. В повести С. Аслана (1951) «*Аслати*» («Гроза», 1942) представители разных народов, оказавшиеся в плену, поют свои народные песни. Грузин Самхарадзе запекает их песню «Сулико». Чувашаи Комков и Призантин поют известную всем «*Ан авăн, шĕшкĕ!*» («Не гнишь, орешник!»), которая после войны ярко проявляется в одноименном

рассказе А. Артемьева (1946–1948). Песня «Не гнишь, орешник...» в рассказе А. Артемьева (2008) обрамляет красивую историю любви сержанта Астрова и Лизы. В подобных произведениях утверждается ценность народной песни, ее образов и символов в жизни каждого человека; незримая связь представителя того или иного народа с глубинными традициями своей культуры.

В повести «Салампи» («Саламби», 1950–1956) А. Артемьева (1960) в образе главной героини отразился идеал чувашской девушки. Героиня повести А. Артемьева Саламби находится в одном ряду с героиней поэмы К. Иванова Нарспи. Светлый образ девушки не смогли запятнать никакие обстоятельства, ибо у нее сильный характер, есть внутренний стержень. Самопожертвование девушки (усыновила, будучи одна, чужого ребенка), должно прочитываться как форма национального поведения. Чувашская женщина чаще всего отдает семье и детям гораздо больше, зачастую забывая о собственном благополучии. Образ стал хрестоматийным, но до сих пор остается живым и непосредственным. Проза А. Артемьева отличается очень тонким лиризмом и романтизмом. Лирическое настроение повести создают в первую очередь песни народные и авторские, самая известная из них – «Песня Саламби». Более того, песня и музыка являются основными образами, на которых основывается повествование, переходят, по справедливому замечанию Г. И. Федорова (2004, с. 316), в расширенную метафору. Иными словами, прозаик активизировал в повести потенциал народной песни, а также некоторых других фольклорных жанров, как например: пословиц и поговорок. Их в повести немало: они выступают в качестве эпиграфа, часто наблюдаются в речи персонажей. Пословицы и поговорки выполняют в тексте множество функций: углубляют содержание, усиливают выразительность речи, оценивают и характеризуют того или иного персонажа и т. д.

Прозаика Ю. Скворцова глубоко интересовали особенности душевного склада народа, его быт и нравы, характер. Об этом свидетельствуют многочисленные тетради с записями произведений устного народного творчества, наблюдения за речью чувашей разных местностей, исторических фактов. Многие из личных записей писатель в дальнейшем творчески использовал в своих произведениях (рассказы «Юрăç Ваçça» («Певец Вася», 1957); «Хĕлĕх хĕре кăвакал» («Утка-шилохвоска», 1966); «Славик», 1974 и др.; повести).

В повести «Уках хурĕнĕ» («Береза Угах», 1958) Ю. Скворцов (1993) «всю художественную ее квинтэссенцию извлекает из двух притчеобразных миниатюр» (Федоров, 1996b, с. 179). Первая – это легенда о Шан и Шак (вариант мифологического байта Сак-Сук) (Софронова, 2008; Юлдыбаева, Ханова, 2018), в которой повествуется о нападении на братьев совы, после чего мальчики стали чужими друг для друга. Она служит параллелью реальной сюжетной линии: не суждено, оказывается, встретиться не птицам-братьям, а Угахви и ее любимому. Вторая параллель: Угахви часто захаживала к прикованной к постели соседской девушке Угах. Судьба Угахви сложилась также трагически, как и у ее подопечной. Реальная ситуация здесь получила статус иносказательности. Г. И. Федоров прав, когда отмечает, что «неповторимый пласт его (Ю. Скворцова. – В. Н., А. М.) произведений составляют сны героя, мистические поверья народа, притчи и присказки старых людей, бытовые сцены, вдруг получающие притчевый, иносказательный статус, большое количество психологических и философских деталей, протяженных во внутреннем, художественном пространстве его творений» (1996b, с. 248). Эпиграфы из народных песен в начале каждой главы словно выстраивают песню жизни девушки, сакрализируют ее образ.

С особой любовью в повести описывается образ Родины, родных мест (*Тăван*) *сĕр-шив*, *тавраĕх*). Угахви воспринимает родную природу как самого близкого человека. Она чувствует боль и страдания людей, которые борются с врагом на фронте. Она – часть Родины (*сĕр-шив*), и девушка понимает, что пока враг не будет изгнан – не будет радости на родимой земле. Здесь каждое растение или дерево имеет собственное предназначение. Чувствуется, что в родных местах, прочно связанных с детством, присутствует нечто вечное, волшебное и красивое, сказочно-сонное. Природосообразность, заложенная в основу чувашской народной философии, прочувствована и выражена Ю. Скворцовым очень чутко.

Образу (*Тăван*) *сĕр-шив* (Родины; букв.: «родной земли-воды») особое внимание уделяется во всей чувашской литературе. Любовь к природе, к месту, где человек родился, явно или неявно выражается во многих произведениях. В прозе эти чувства проявляются не всегда открыто, как, например, в поэзии. Изображение Родины, как правило, связано с показом национальных реалий, предполагает включение примеров устного народного творчества (песни, пословицы и поговорки, сказки и др.). Итак, образ этот повторяется из произведения в произведение, становится «устойчивым образом, мотивом» (Большая российская энциклопедия, 2004–2017) или же «вырастает» до уровня топоса. Вариантами данного топоса правомерно рассматривать *тăван ял* (родное село, деревня), *тăван кил* (родной дом) – место, где человек родился. *Сарĕ кун сĕршивĕ* (Страна желтого/светлого дня) – другой вариант топоса. Он часто отчетливо не вырисовывается, может иногда проявляться лишь в форме названной устойчивой словесной формулы; описаний, разбросанных по всему тексту произведения, в эле уловимых отсылках, аллюзиях. Как правило, это более скрытый, глубокий пласт фольклоризма. «Испокон веков любимым цветом чувашей был *сарĕ* – цвет жизнетворца, жизнедеятеля Солнца. Ничего святого не мыслилось ими без желтого цвета, для чувашей желтый цвет был священен... Красиво то, в чем был кусочек солнца» (Волков, 1997, с. 69). Возможно, желтый цвет отражает в том числе извечные мечты чувашей о стране обетованной, о Стране счастья, где удивительно прекрасная жизнь. Эти мечты по-разному проявляются у разных народов. По-своему цвет трансформируется в жанрах чувашской социальной фантастики (Никифорова, 2020). Цветовой доминантой повести «*Сăваплă вут*» («Священный огонь», 1963) Ю. Скворцова (2011), для примера, является желтый, теплый цвет, который ассоциируется в восприятии читателя с нежностью, лаской, спокойствием, надежностью, сказочностью. Недаром на страницах повести одним из постоянных эпитетов является «желтый». Основой имени ребенка Евлениа и Сайите становится также желтый цвет – Сариле.

Образы Нарспи и Сетнера из поэмы К. Иванова (2025) «Нарспи» повлияли на создание многих образов в чувашской литературе, особенно на образ Нарспи. При этом значимость коллизии поэмы возрастает, герои переходят из разряда образов, их взаимоотношения также приобретают, по наблюдениям Г. И. Федорова, значение топоса. Он имеет корни в устном народном творчестве – преданиях, песнях, свадебном фольклоре; связано с мировой литературой в целом (Федоров, 1996а, с. 56). Хотя основным сюжетобразующим мотивом здесь является мотив насильного замужества, который был весьма распространен в чувашском устном народном творчестве (Родионов, 2010, с. 41), в контексте большого времени (М. М. Бахтин) важен многовековой опыт развития тех или иных мотивов, сюжетов, и т. д. «Великие произведения литературы подготавливаются веками...» (Бахтин, 1986, с. 350). Зародившись в устном народном творчестве, подобные образы приобретают четкие контуры в литературе, потом, в свою очередь, становятся литературными архетипами.

Влияние образа Нарспи, и соответственно, фольклорная основа через известный образ, чувствуется в Ульки («Ульки» И. Юркина), Варусси («Варусси» Я. Турхана), Елюк («В деревне» Ф. Павлова), Пинерби («Айдар» П. Осипова), Селиме («Черный хлеб» Н. Ильбека), Сухви и Сайите («Девушка с Сормы» и «Священный огонь» Ю. Скворцова), Саламби («Саламби» А. Артемьева) и др. Одно из наиболее ярких выражений топоса Нарспи и Сетнера – повесть «Священный огонь» Ю. Скворцова. Евлен и Сайите – главные герои повести. Ему – 18, ей – 17. В основе произведения – легенда об их красивой любви, которая уничтожила все преграды и соединила их навечно. С историей их любви переплетаются исторические события того времени. В образе героев Скворцова, как в Нарспи и Сетнере, отразились черты, издревле присущие чувашской девушке, чувашскому юноше, богатство их внутреннего мира, те особенности, которые позволяют нам говорить о национальном характере, мироощущении, то есть главных героев повести «Священный огонь» можно рассматривать на уровне архетипических.

Чуваши сравнивали красивую девушку с цветком, буквально, «желтым цветком» («*сар чечек*»). И Нарспи, и Сайите сопоставляются с данным цветком. В речах Сайите и Евлена проявляется народная мудрость; их диалоги насыщены пословицами и поговорками, приметам, иносказаниями. Сайите более сдержанна в своих речах и чувствах, чем Евлен, как и подобает чувашской девушке. В метафоричности мышления героев зашифровано, прежде всего, национальное восприятие мира. Через образ Евлена выражается извечное предвзвешивание о мужском характере, мужской силе и красоте. Невольно этот образ в сознании читателя ассоциируется с потомком чувашского богатыря Улыпса. Он находится в роду таких героев, как Прометей, другие реальные или мифологические герои – бунтари.

Фольклорно-мифологические образы – *вут* (огонь), *шыв* (вода), *çил* (*сывлăш*) (воздух), *çĕр* (земля) – в чувашской литературе имеют немаловажное значение. Чуваши издревле почитали огонь как живое существо, причем различалось несколько видов огня: *мунча вучĕ* (банный огонь), *авăн вучĕ* (огонь овна), *çурт вучĕ* (огонь дома) и др. Считалось, что по своему характеру огонь бывает добрым и злым. В отношении этой стихии чуваши должны были проявлять самое лучшее поведение: над ним нельзя было шутить, нельзя было в него плевать, домашний очаг нужно было содержать в чистоте и т. д. Огонь может приносить пользу человеку и вредить ему, но в большинстве случаев считалось, что он приносит пользу, поэтому он выполнял важные функции во многих обрядах, обычаях. В повести Ю. Скворцова «Священный огонь» эта стихия приобретает символическое значение. «Пылкий огонь сердца», вспыхнувший при встрече двух половинок, священен. Образ огня прослеживается и в произведениях других писателей. Так, в романе «*Хура çăкăр*» («Черный хлеб», 1956, 1962) Н. Ильбека (1989) главный герой Шеркей во время пожара со злостью обращается к *Вут Ама* (Родоначальница Огня) и говорит, что он сильнее, она его не сожжет.

Стихия Воды у Ю. Скворцова представлена в разных формах: туман, роса, дождь, родник. Но основная форма – *пĕве* (пруд), реке – *река* (река; Волга, что связано с городом). Пруд – это стоячая вода, замкнутое пространство (их много в сельской местности), как и весь чувашский мир с интровертированной направленностью. Сравнения сюжетов разных произведений («Когда цветет вода», «Певец Вася», «След башмака» – наиболее яркие примеры) показывают, что за этим внешним спокойствием скрывается огромная «взрывная сила». Стихия Воздуха в прозе Ю. Скворцова чаще всего выступает в образе *çил* (ветер). *Çил* (Ветер) – это не просто художественный образ. Он создает некое духовное измерение, на фоне которого человек ощущает себя частью бесконечной Вселенной. Земля у Скворцова, как и вся природа, живая. Она чувствует страдания народа и его боль, которую выражает песней (песня Земли в повести «Береза Угах»).

Название повести А. Ыхры (2003) «*Шур-шур урлă хур кайăксем...*» («Болотами-болотами дикие гуси...», 2003) и эпиграф представляют собой цитату из народной песни. Главный герой – «*хур кайăк чунĕллĕ Пайтул*». / Пайдул с душой дикого гуся. Свою сестренку он также называет «*хур кайăк пек йăмакăм*». / сестренка, подобная дикой гусыне. Лейтмотив дикого гуся, пронизывающий произведение, помогает воспринимать жизнь Луизы как красивый рисунок. Цитаты из фольклорных текстов и обыгрывание лейтмотивов способствуют созданию лирического настроения.

В прозе начала XXI в. фольклоризм находит, прежде всего, новые формы выражения, которые можно интерпретировать в рамках постмодернизма. В таких произведениях происходит явное сочетание мифологии и фольклора. Действие рассказа-этнофэнтези «*Çунат ура*» («Бегущий по воздуху», 2020) В. Степанова происходит в другом, волшебном чувашском мире. Главный герой Анатолий (*Хĕçнер*) вступает в битву со злом. Благодаря огненному мечу он становится непобедимым. Текст В. Степанова читается непросто, он представляет интерес для любителей интеллектуальной литературы. В конце имеется толковый словарь неологизмов, многие из которых являются авторскими. Рассказ-этнофэнтези есть также в творчестве молодого прозаика И. Шашкиной («*Виçĕ хĕвел*» («Три солнца», 2020)), фэнтези – О. Австрийской («*Миххи пĕви*» («Пруд Миххи», 2017)). В этнофэнтези «Три солнца» И. Шашкина, например, размышляет о будущем чувашского

языка, используя в качестве параллельного сюжета миф о трех солнцах. Данные рассказы-этнофэнтези, фэнтези создаются на стыке рассказа и литературной сказки (Никифорова, 2024; Софронова, 2024), развивают национальные сказочные и мифологические сюжеты в контексте современности.

Итак, мы проанализировали проявление фольклоризма в чувашской прозе конца XIX – начала XXI в. и пришли к заключению, что со временем формы его выражения усложняются. На современном этапе можно говорить о частом сочетании в творчестве писателей осознанного и так называемого «скрытого», неосознанного фольклоризма.

Заключение

Обобщая наше исследование, отметим, что в разные периоды развития жанров повествовательной литературы фольклоризм в них проявлялся по-разному. На рубеже XIX-XX вв. фольклоризм видится как бы «на поверхности». Здесь еще доминирует фольклорное мышление, немало текстов представляет собой литературную обработку текстов устного словесного творчества, реализацию потенциала, заложенного в пословицах и поговорках.

В первой половине XX в. важным историческим событием является Великая Отечественная война, которая вызвала на сцену фольклор в целом: жанры фольклора, элементы поэтики устного народного творчества стали органической частью литературных произведений и как никогда были близки народу, помогали выражать его боль и страдание. Во второй половине XX в. фольклоризм наиболее приметно отражается в жанрах повести и романа, что обусловлено в первую очередь стремительным развитием данных жанров в целом. В литературе начала XXI в. фольклоризм на содержательном уровне малозаметен, но он находит новые формы выражения, которые можно интерпретировать в рамках постмодернизма.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение фольклоризма в поэтике чувашского романа.

Материалы исследования | Research materials

1. Агаков Л. Салтаксем: повесемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1975.
2. Артемьев А. Саламби: повесть. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960.
3. Артемьев А. Сулăмра суннă самрăклăх: повесем, калав. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2008.
4. Аслан С. Сул синчи сутăсем: калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1951.
5. Большая российская энциклопедия. 2004-2017. <https://old.bigenc.ru/literature/text/4197667>
6. Иванов К. В. Нарспи: поэма. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2025.
7. Илпек М. Хура сăкăр. Роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1989.
8. Кедров Н. Асăна-аннĕне хисепле, хăвнах аван пулĕ // Революичченхи чăваш литератури: текстсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. Т. 1. XX ĕмĕрчен.
9. Кириллова И. Ю. Своеобразие художественного мира Илле Тхти: учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009.
10. Песелис Е. А. Фольклорные традиции в поэзии А. Григорьева и Я. Полонского: научный доклад об основных результатах научно-квалификационной работы (диссертации). М., 2020.
11. Родионов В. Г. Игнатий Иванов: пултарулăх портречĕ, сырнисем. Шупашкар: Чăваш ун-т изд-ви, 2001.
12. Романов О. Хĕн-хур куракан сынна Турă пăрахмасть // Революичченхи чăваш литератури: текстсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. Т. 1. XX ĕмĕрчен.
13. Çеспĕл М. Сырнисен пуххи = Собрание сочинений: поэзи, проза, драматурги, сырусем. Кунсерен сырнисем, асăрхатарусем: иккĕмĕш, хушса тўрлетнĕ кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1989.
14. Скворцов Ю. Избранное. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011.
15. Скворцов Ю. Уках хурăнĕ: повесемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1993.
16. Софронова И. В. Традиции восточной поэзии в чувашской лирике: учебное пособие. Изд-е 2-е, доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008.
17. Степанов В. Çунат ура // Тăван Атăл. 2020. № 4.
18. Тăхти И. Суйласа илнисем: сăвăсем, поэмăсем, калавсем, статьясем, сырусем. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2009.
19. Трубина М. Ача чухнехи: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1981.
20. Федоров Г. И. Чăваш литератури (1945-1985): вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш патшалăх ун-чĕ, 2004.
21. Шашкина И. Виçĕ хĕвел // Тăван Атăл. 2020. № 6.
22. Ыхра А. Шур-шур урлă хур кайăксем // Тăван Атăл. 2003. № 5-6.
23. Юркин И. Повесем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2010.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986.
2. Волков Г. Н. Этнопедагогика чувашей. М.: Пресс-сервис, 1997.

3. Гольденберг А. Х. От исторического имени к топонимической легенде: трансформация исторического сюжета в современном фольклоре // Традиционная культура. Научный альманах. 2023. Т. 24. № 3. <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.010>
4. Джанумов С. А. Флоросемантика в поэзии А. С. Пушкина // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре: коллективная монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2024.
5. Долгат У. Б. Литература и фольклор. Теоретические аспекты. М.: Наука, 1981.
6. Канюков В. Я. От фольклора к письменности (Ранняя чувашская литература и народное творчество): очерк литературно-фольклорных отношений. Чебоксары, 1971.
7. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980.
8. Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX-XX столетиях. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
9. Никифорова В. В. Мечты об идеальном государстве и реалии советской действительности в чувашской литературе // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2020.
10. Никифорова В. В. Фольклоризм чувашской литературной сказки // Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию фольклориста И. И. Одюкова (г. Чебоксары, 11-12 октября 2023 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2024.
11. Родионов В. Г. Константин Васильевич Иванов (Кашкър): сборник научных статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2010.
12. Родионов В. Г. Чувашская литература 1909-1917 годов. Проза // История чувашской литературы XX века: коллективная монография: в 2 ч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015а. Ч. I. 1900-1955.
13. Родионов В. Г. Чувашская литература 1923-1929 годов. Проза // История чувашской литературы XX века: коллективная монография: в 2 ч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015б. Ч. I. 1900-1955.
14. Софронова И. В. Фольклоризм в чувашской стихотворной литературной сказке // Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию фольклориста И. И. Одюкова (г. Чебоксары, 11-12 октября 2023 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2024.
15. Топорков А. Л. Фольклорные формы словесности // Теория литературы: в 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении).
16. Федоров Г. И. Сăнарлă сăмах шыравă: тĕпчев ёсĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1996а.
17. Федоров Г. И. Художественный мир чувашской прозы 1950-1990-х годов: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 1996б.
18. Федоров Г. И. Чувашская литература периода Великой Отечественной войны (1940-1945) // История чувашской литературы XX века: коллективная монография: в 2 ч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. Ч. I. 1900-1955.
19. Юлдыбаева Г. В., Ханова Г. С. История и современное состояние научного изучения и популяризации мифологического байта «Сак-Сук» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.15>

Информация об авторах | Author information

Никифорова Вера Витальевна¹, к. филол. н.

Мышкина Альбина Федоровна², д. филол. н., доц.

^{1,2} Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Vera Vitalieвна Nikiforova¹, PhD

Albina Fedorovna Myshkina², Dr

^{1,2} Chuvashia State Institute of Humanities, Cheboksary

¹ vera.nikiforova@yandex.ru, ² alb-myshkina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.07.2025; опубликовано online (published online): 18.08.2025.

Ключевые слова (keywords): малые жанры чувашской прозы; чувашская повесть; взаимосвязь чувашского фольклора и литературы; чувашские пословицы и поговорки; народные песни; small genres of Chuvash prose; Chuvash novella; relationship between Chuvash folklore and literature; Chuvash proverbs and sayings; folk songs.